Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 3 (23).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (23), 2023.

Рецензия / Review
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-233-246
https://elibrary.ru/EYYLWT

© 2023. Николай Подосокорский
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

Вячеслав Иванов — исследователь Ф.М. Достоевского

Иванов В.И. Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; пер. с нем. Дим.Вяч. Иванова, М.Ю. Кореневой (текст), О.Л. Фетисенко (рецензии). СПб.: Пушкинский Дом, 2021. 476 с.; ил.

© 2023. Nikolay N. Podosokorsky
Novgorod State University "Yaroslav The Wise," Veliky Novgorod, Russia

Vyacheslav Ivanov, Researcher of Fyodor Dostoevsky

Ivanov, V.I. *Dostoevskii: Tragediia — Mif — Mistika* [*Dostoevsky: Tragedy, Myth, and Mysticism*]. Ex. ed. A.B. Shishkin and O.L. Fetisenko; trans. from German by D.Vyach. Ivanov, M.Iu. Koreneva (text), O.L. Fetisenko (reviews). St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2021. 476 p.; illus.

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Высшей гуманитарной школы «Антоново», Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, 173003, г. Великий Новгород, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-6310-1579
E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Аннотация: Рецензия посвящена новому научному изданию классической работы выдающегося русского поэта и философа В.И. Иванова (1866–1949) «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика», впервые вышедшей в 1932 году в Германии на немецком языке. Этот труд является во многом итоговым сочинением мыслителя о Достоевском, в котором он обобщил свои идеи и наблюдения, высказанные им ранее в статьях 1910-х годов и лекциях 1920-х годов. Достоевского Иванов считал своим духовным учителем и интересовался им на протяжении всей жизни.

В материале дается краткий обзор русского издания книги 2021 года с выделением наиболее актуальных сегодня положений теории В.И. Иванова. В частности, его можно считать одним из основоположников субъект-субъектного метода в филологии, в XXI веке получившего развитие и оформление в работах Т.А. Касаткиной.

Ключевые слова: Вячеслав Иванович Иванов, Ф.М. Достоевский, А.С. Пушкин, С.Н. Булгаков, Т.А. Касаткина, роман-трагедия, миф, субъект-субъектный метод, биография Достоевского, Ариман, демонология.

Для цитирования: *Подосокорский Н.Н.* Вячеслав Иванов — исследователь Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 3 (23). С. 233–246. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-233-246

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, High School of Humanities “Antonovo,” Novgorod State University “Yaroslav The Wise,” Bol’shaia Sankt-Peterburgskaya 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Abstract: The review is devoted to a new academic edition of the classic masterpiece by the eminent Russian poet and philosopher Vyacheslav Ivanov (1866–1949), titled *Dostoevsky: Tragedy, Myth, and Mysticism*. Originally published in Germany in 1932 in German, this work stands out as a culminating achievement of Ivanov’s reflections about Dostoevsky, in which he summarized ideas and observations expressed by him earlier in articles of the 1910s and lectures of the 1920s. Ivanov considered Dostoevsky his spiritual teacher and was interested in him throughout all his life. The article offers a brief overview of the Russian edition released in 2021, highlighting the most relevant provisions of Vyacheslav Ivanov’s theory today. In particular, he can be considered one of the founders of the subject-subject method in philology, which in the 21st century is actively promoted in the field of Humanities by his spiritual follower Tatiana Kasatkina.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Fyodor Dostoevsky, Alexander Pushkin, Sergey Bulgakov, Tatiana Kasatkina, novel-tragedy, myth, from-subject-to-subject method, biography of Dostoevsky, Ariman, demonology.

For citation: Podosokorsky, N.N. “Vyacheslav Ivanov, Researcher of Fyodor Dostoevsky.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (23), 2023, pp. 233–246. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-233-246

Выход в свет нового научного издания книги выдающегося русского поэта и философа Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» побуждает вновь внимательно перечитать этот ставший классическим и хрестома-

тийным труд и отметить большой вклад его автора в становление науки о Ф.М. Достоевском. Впервые названное сочинение вышло в 1932 году в Тюбингене на немецком языке в авторизованном переводе А.К. Креслинга (1897–1977). По вине переводчика оригинальный русский текст сочинения был утерян, в результате чего его немецкая версия оказалась единственным авторизованным вариантом работы Иванова, легшим в основу всех последующих переводов на другие языки, включая русский [Коренева, 2021, с. 302].

В 1952 году появился английский перевод работы, а на русском языке она была впервые опубликована лишь в 1986 году в журнале «Логос» сыном поэта Дмитрием Ивановым [Коренева, 2021, с. 306], и затем, в 1987 году, включена им в четвертый том т.н. брюссельского собрания сочинений В.И. Иванова [Иванов, 1987, с. 483–588]. Перевод, публикуемый в рецензируемой нами книге, был заново отредактирован М.Ю. Кореневой и сопровожден переводами первых рецензий (Г. Барта, Ф. Хёнцша, А. Лютера, Г. Фельса, А. Бёма), появившихся после первой публикации труда в 1932 году в немецкоязычных изданиях; дополнительными материалами (текстовыми расшифровками лекций Иванова о Достоевском и некоторых других его выступлений, а также хроникой присутствия Достоевского в жизни и мысли Вяч. Иванова); аналитическими статьями (А.Б. Шишкина, М.Б. Плюхановой, М.Ю. Кореневой) и основательным комментарием, который подготовили Н.М. Сегал-Рудник, С.Д. Титаренко и О.Л. Фетисенко при участии К.А. Баршта, Л.Л. Ермаковой и К.Г. Исупова.

«Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» — это итоговая работа В.И. Иванова о творчестве великого русского писателя. В ней были переосмыслены более ранние сочинения философа: «Достоевский и роман-трагедия» (1911), «Основной миф в романе “Бесы”» (1914) и «Лик и личины России: К исследованию идеологии Достоевского» (1917). Как отмечает И.Б. Роднянская, «перерабатывая их для труда, адресованного западному читателю, автор сократил и модернизировал их. Однако в книге сохранилась та общая концепция творчества Достоевского, которая сложилась у Вяч. Иванова в эпоху, когда он выступал в качестве теоретика русского символизма. Вместе с тем в ней отразилось увлечение “глубинной психологией” К. Юнга и связь с католическими доктринами, что характерно для зарубежного периода Вяч. Иванова» [Роднянская, 1980, с. 218].

Увлечение Иванова Достоевским началось еще в отрочестве, когда в 1880 году он, в числе других отличившихся гимназистов, был приглашен на торжественное открытие памятника А.С. Пушкину в Москве, увидел воочию самого Достоевского и услышал вживе на заседании Общества любителей российской словесности в зале московского Благородного собрания произнесенную писателем речь о Пушкине [Дешарт, 1971, с. 8], [Зобин, 2022]. В ноябре 1918 года Вячеслав Иванов, уже будучи известным литератором и ученым, сам произнес речь на открытии памятника Достоевскому в той же Москве [Иванов, 2021, с. 244]. По признанию поэта-символиста, в период его духовного кризиса первой половины 1880-х годов, связанного с увлечениями атеизмом и революционными идеями, мыслями о смерти и даже попыткой самоубийства, его любовь к Христу питалась его страстью к Достоевскому [Иванов, 2021, с. 233].

Позднее в разговорах с филологом М.С. Альтманом в 1921 году Иванов называл себя «духовным сыном Достоевского» [Альтман, 1995, с. 32] и замечал, что после Достоевского не было в русской литературе «ничего первоклассного» [Альтман, 1995, с. 27]. Как резюмирует один из ведущих современных специалистов по жизни и творчеству В.И. Иванова — А.Б. Шишкин: «Достоевский был как предшественником, так и неизменным духовным “спутником” — ключевой фигурой — во всей долгой жизни Иванова: в 1888 г., 22 лет от роду, он задумал писать эссе “Мистическое в произведениях Достоевского”; летом 1949 г., менее чем за две недели до смерти, восьмидесятитрехлетний старец получил от итальянской “Католической энциклопедии” заказ на статью об авторе “Бесов” и редактировал перевод на английский язык своей итоговой книги о Достоевском 1932 г.» [Шишкин, 2021, с. 269].

Книга 1932 года небольшая по объему, но, как это всегда бывает у Иванова, чрезвычайно концентрированна, насыщена глубокими идеями и проницательными наблюдениями. Ее трехчастная структура определила изучение творчества писателя по трем основным направлениям, которые, впрочем, неразрывно связаны друг с другом: как трагика, мифотворца и религиозного мыслителя. Один из первых рецензентов книги Ганс Барт отмечал, что «Иванов одинаково хорошо разбирается в Достоевском-художнике и Достоевском — религиозном мыслителе» [Иванов, 2021, с. 204]. Однако последнее качество вытекает из первого, и Иванов это прекрасно понимал, когда, к примеру, в 1914 году критиковал С.Н. Булгакова за то, что

тот «слишком рано читает мораль героям Достоевского», поскольку мир этих героев «гораздо более значителен и сложен», и «простой схеме нимало не подлежит» [Иванов, 2021, с. 145]. Позднее, разбирая в 1938 году поэму о Великом инквизиторе в «Братьях Карамазовых» в своей лекции о Достоевском, Иванов также отметил, что если эту «легенду» рассматривать как непосредственное высказывание Достоевского-мыслителя, то она имеет целый ряд крупных недостатков и попросту «плоха» [Иванов, 2021, с. 186]. «Но художеств[енно], однако, эта легенда *совершенна* — как портрет Ивана. <...> Именно так *должен* был думать и мечтать Иван» [Иванов, 2021, с. 187].

В первой части книги Иванов специально акцентирует внимание на том, что Достоевский как религиозный мыслитель силен вовсе не извлеченными из его текстов «поучениями», но именно своим художественным воздействием, способным привести душу читателя в подлинный восторг: «<...> Достоевский естественным образом отдает предпочтение инстинктивно-творческому началу жизни и утверждает его верховенство над началом рациональным. В ту эпоху, когда, подобно тому что было в Греции в пору софистов, начал приобретать господство образ мыслей, полагающий все духовные ценности лишь относительными на ярмарке мнений, — Достоевский не пошел, как Толстой, по путям Сократа на поиски за нормою добра, совпадающего с правым знанием, но, подобно древнейшим трагикам Греции, остался верен духу Диониса. Он не обольщался оптимистическою мыслию, что добру можно научить доказательствами и что правильное понимание вещей само собою делает человека добрым. Исполненный духа Диониса, он не уставал повторять: “Ищите восторга и исступления, землю целуйте, прозрите и ощутите, что каждый за всех и за всё виноват, и радостию такого восторга и постижения спасетесь; истинно, только так исцелитесь”» [Иванов, 2021, с. 30].

Многие высказанные Ивановым положения не просто актуальны по сей день, но их можно считать фундаментальными для достоевистики. Приведем лишь некоторые из них. Во-первых, автор абсолютно верно отмечает, что по Достоевскому «вера в Бога и отрицание Бога не два различных объяснения мира, но два разноприродных духовных мира, существующие рядом, как земля и противоземие, и отдающиеся целиком и полностью, каждый по отдельности, своей собственной, автономной сфере деятельности» [Иванов, 2021, с. 12]. Заметим, что Иванов не противопоставляет

«духовность» и то, что порой некоторые наши современники называют уродливым словом «бездуховность», но говорит о двух различных духовных мирах, в каждом из которых реальность подчинена своим особым законам.

Это его наблюдение можно экстраполировать и на филологию: исследователь-верующий и исследователь-атеист будут воспринимать и изучать два совершенно разных художественных мира, казалось бы, созданных одним и тем же писателем. Когда сам Иванов пишет в третьей части своей книги о действии в мире двух ипостасей Сатаны — Люцифера и Аримана[1], — то для него это отнюдь не эффектная поэтическая метафора. Для него как крупного и оригинального мыслителя самое важное — точно описать ту духовную реальность, в существовании которой он убежден, и глубокое постижение которой он отчетливо видит в произведениях Достоевского, а вовсе не привести всех, независимо от их мировоззрения и образа жизни, к некоему научному консенсусу, который в эпоху атеизма и позитивизма попросту невозможен. «Не для того, чтобы убедить наших просвещенных современников в том, что и в нынешнем, научно до конца исследованном и тщательно выметенном культурном мире водится злая сила, упоминаем мы об этих демонах, — в наше намерение входит лишь указать на них», — саркастически пишет он об ограниченности ума многих современных интеллектуалов [Иванов, 2021, с. 106].

Во-вторых, Иванова можно считать одним из основоположников т.н. субъект-субъектного метода в гуманитарной науке в целом и в филологии в частности, главным адептом которого сегодня

[1] А.Б. Шишкин отмечает, что использование имени демона Аримана для описания художественного мира Достоевского отнюдь не является произвольным со стороны Вяч. Иванова: «Нельзя не заметить, что едва ли не самое примечательное в приведенном фрагменте — привлечение одного из терминов зороастрийской демонологии для описания силы зла. Это Ариман — имя злодыханного демона смрадного разложения, отравленной пищи, неизлечимой, погибельной болезни, гнетущего плоть и дух смертельного недуга: в поздних статьях именно этот образ потребуется Иванову, чтобы описать демонологию Достоевского. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае — в выборе имени демона — перед нами не просто совпадение, но нечто более редкое и существенное. Как недавно стало известно, Достоевский, обдумывая характер одного из персонажей романа “Идиот”, трижды каллиграфически вывел слово “Ариман” в верхней части листа своей рукописи; ниже, более мелким почерком, следовал своеобразный перечень пороков (“наслаждение кражей, наслаждение разбоем, наслаждение самоубийством” и т. д. — всего 21 строка). Другими словами, уже в юношеском наброске Иванова мы должны констатировать поразительное проникновение начинающего поэта в демонологию самого Достоевского» [Шишкин, 2021, с. 268–270].

является Т.А. Касаткина. Последняя описывает его следующим образом: «Субъект-субъектный метод — метод исследования реальности, при котором познающий вступает с познаваемым в равноправное *взаимодействие* (а не подвергает его ряду воздействий, сам оставаясь за пределами непосредственного с ним контакта, как это предполагается при субъект-объектном методе познания). Целью субъект-субъектного метода является выяснить не внешние характеристики и объективные процессы в познаваемом (которые всегда наилучшим образом проясняются путем сопоставления и сравнения, встраивания в ряд и раздел в качестве элемента системы высшего порядка), а его внутреннюю жизнь и самоощущение как *уникального целого*. Главным инструментом субъект-субъектного метода является сама личность исследователя, вольно умаляющаяся перед познаваемым для того, чтобы не исказить и не экранировать передаваемое ей таким образом знание — и одновременно расширяющаяся для того, чтобы мочь взаимодействовать с открывающимся целым в максимально широком диапазоне, предоставлять исследуемому максимально доступную исследователю шкалу. В результате взаимодействия в процессе такого познания на каждом новом витке герменевтического круга меняется не только видение соотношения общего и частностей в познаваемом — но меняется и сама личность исследователя» [Касаткина, 2019, с. 12].

А вот как об этом пишет Иванов: «Достоевский выступает поборником образа мысли, который он сам считает “реалистическим”, вернее, “реалистическим в высшем смысле”. Каково же существо этого защищаемого им реализма? Зиждется этот образ мысли, судя по всему, не на теоретическом познании, с его постоянным противоположением субъекта и объекта, а на акте воли и веры, который соответствует приблизительно Августинову “transcende te ipsum” и для обозначения которого Достоевский предназначил свое собственное слово (“проникновение”, означающее, собственно, “интуитивное прозрение”, “духовное проницание”) и пользуется им почти как terminus technicus, каковой можно было бы приблизительно передать как “отождествление себя с другим”. Проникновение есть некий transcensus субъекта, поскольку речь идет о таком его состоянии, при котором он оказывается способным воспринимать чужое *Я* не как объект, а как другой субъект. То есть это не периферическое распространение границ индивидуального сознания, но почти что полная смена привычной ему системы координат на пря-

мо противоположную. И только во внутреннем опыте открывается возможность подобной переоценки: в переживании истинной любви к человеку, которая потому и есть единственное реальное познание, что она совпадает с абсолютной верой в реальность любимого, а также в самоотдаче и самоотчуждении личности вообще, лежащими уже в основе пафоса любви» [Иванов, 2021, с. 28].

В-третьих, Иванов примиряет Достоевского-пророка и Достоевского-человека, отмечая, что на каторге переродился его *внутренний* человек, тогда как *внешний* — практически остался неизменным: «Средоточие сознания кажется у Достоевского отныне иным, чем у большинства смертных. Внешний человек остался при нем, и в этом внешнем человеке невозможно было даже обнаружить всепоглощающего очищения таящихся в нем темных страстей. Но все духовные дела и помыслы прозорливого писателя стали с тех пор внушением заново рожденного внутреннего человека, некоторые свойства которого по временам ощущались нами как ставшие в некотором смысле имманентными тому, что мы рассматриваем как нечто трансцендентное, в то время как непосредственная внутренняя данность казалась, наоборот, перенесенной частично во внешние пределы. Ибо личность была раздвоена на эмпирическую, внешнюю, и более высокую, свободную, метафизически существенную. У большинства мистиков это раздвоение ведет либо к полному истощению, либо к глубокому очищению и преображению внешнего человека. Но это дело исцеления не было предназначением пророка, который намеревался посвятить себя творчеству» [Иванов, 2021, с. 36].

Такой подход снимает мучающий уже не одно поколение читателей и исследователей писателя вопрос о неполном соответствии высоких истин, выраженных в произведениях писателя, и отдельных его прямых высказываний и поступков (сам Иванов, например, видит ощутимую разницу между «положительными религиозными идеалами» Достоевского и его «церковно-полемическими воззрениями» [Иванов, 2021, с. 132]). Отсюда проистекает и проблема создания адекватной биографии Достоевского, в которой, казалось бы, более понятные события жизни его «внешнего» человека не подменяли и не вытесняли бы собой события его сложнейшей внутренней жизни, для понимания которых биограф должен иметь схожий метафизический опыт. Как поясняет духовно близкая Вячеславу Иванову и его методам изучения Достоевского Т.А. Касаткина: «Множество биографий самых необыкновенных людей, которые мы

получили за последнее время, остаются в пределах той (как правило, очень стандартной) шкалы, которая наличествует у биографа. И поэтому слишком многое в их жизни оказывается абсолютно за пределами того, что было воспринято биографом и, соответственно, представлено им нам. В этом смысле чрезвычайно показательны, например, биографические работы о Достоевском одного известного его биографа: всякий раз, когда тот пишет о честолюбии (а на самом деле, как явствует из изложения, о неприкрытом тщеславии) и амбициозности как побудительных мотивах действий Достоевского, перед читателем, сколько-нибудь знакомым с автором, появляется, как живой, именно образ автора, а вовсе не образ Достоевского. То есть биография зачастую гораздо больше говорит нам о писавшем ее авторе, чем о ее герое» [Касаткина, 2016, с. 46].

В-четвертых, основную идею Достоевского Иванов видит в утверждении *служения* в качестве главного жизненного призвания человека. В лекциях о Достоевском, прочитанных в Бакинском университете в 1921 году, исследователь замечает: «Настоящее и будущее, безусловно, стоит под знаком коллективизма. Тенденция к принудительному соединению людей ценой подчинения личности, которая сказывалась в Риме, римской церкви, является основной идеей коммунизма. Личность, не дав миру, что в ней заложено, не отдавшись целому, насильно должна следовать туда, куда не хочет идти добровольно. Так теперь личность терпит Немезиду за то, что не умела хорошо отдаться. Это есть основная идея Достоевского: личность должна проявлять самопожертвование. Но личность не хотела этого самопожертвования. Достоевский понял, что личность несостоятельна, что индивидуализм осужден, осужден религиозно для тех, кто мог стать на религиозную точку зрения. Такие личности шли добровольно. Но личность, потерявшая свою религиозность, выветривается» [Иванов, 2021, с. 171–172].

Выход в реальную жизнь для сбившегося с пути человека «возможен только через любовь, утверждающую другую личность (Ты еси). Чтобы пережить реальность, нужно любить» [Иванов, 2021, с. 173]. Этот тезис прекрасно иллюстрируется финалом романа «Преступление и наказание», в котором говорится о воскрешающей силы любви на примере Раскольникова и Сони Мармеладовой: «Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и всё лицо ее помертве-

ло. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она всё поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же наконец эта минута... Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого. Они положили ждать и терпеть. Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного счастия! Но он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она — она ведь и жила только одною его жизнью!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 421].

В обширном и очень интересном комментарии к основной книге тома и сопутствующим материалам дополнительно разъясняются многие нюансы мысли В.И. Иванова в контексте всего его наследия. Однако в некоторых случаях можно счесть такой подробный комментарий (он занимает в настоящем издании 130 страниц!) даже избыточным. Вряд ли в специальном труде, рассчитанном на профессиональных исследователей и изданном в эпоху Википедии, нужны общие пояснения о том, что софисты — «представители философского направления в Греции во второй половине V – первой половине IV в. до н.э.» [Иванов, 2021, с. 345], парки — «божества судьбы в древнеримской мифологии» [Иванов, 2021, с. 378], эвмениды — «греческие богини мести, иное обозначение эриний» [Иванов, 2021, с. 382], Эвклид — «древнегреческий математик III в. до н.э.» [Иванов, 2021, с. 394] и т.п. Разумеется, эта мелочь нисколько не умаляет многочисленных достоинств этого великолепного труда, сделанного с большой любовью и высоким профессионализмом коллективом заслуженных ученых.

В задачи рецензента не входит более подробное изложение разных положений выдающегося труда Вяч. Иванова о Достоевском, тем более что вокруг него уже сложилась немалая литература[2]. Я лишь отметил то наиболее значимое из теории философа, что коррелирует и с моими собственными исследованиями и, как мне

[2] См.: [Фридлендер, 1994], [Келдыш, 1996], [Титаренко, 2012], [Махлин, 2016], [Леховска, 2016], [Богданова, 2018], [Шишкин, 2021], [Плюханова, 2021], [Кибальниченко, 2022] и др.

кажется, с исследованиями моих коллег по научно-исследовательскому центру «Ф.М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН: Т.А. Касаткиной, Т.Г. Магарил-Ильяевой и К. Корбелла.

Фред Хёнцш в рецензии на книгу «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» и вовсе назвал ее «венцом литературы о Достоевском» [Иванов, 2021, с. 207], чем на тот момент она, несомненно, и являлась. Сегодня же правильнее считать ее, вместе с книгами Д.С. Мережковского, М.М. Бахтина и некоторыми другими работами XX века, фундаментом современной достоевистики, на котором последующие исследователи продолжают возводить Храм науки о писателе. Впрочем, свое напутствие достоевистам Вяч. Иванов дал еще в 1914 году, выступая на обсуждении доклада С.Н. Булгакова «Русская трагедия» в московском Религиозно-философском обществе: «Я полагаю, что рост наших чувств и рост нашего сознания религиозного и идейного будет именно измеряться степенью нашего проникновения в заветы, оставленные этим колоссальным гением, этим пророком, слова которого мы до сих пор всё еще, однако, не понимаем, и перечитывая творения которого постоянно, я лично испытываю это странное чувство восторженного изумления и какого-то беспокойства, может быть и мучительного, хотя заключающего в себе что-то отрадное, что-то, о чем я всю жизнь думал, во всех его словах, и все-таки до настоящего окончательного, последнего смысла этих слов не добился. <...> Это чувство, мне кажется, есть чувство блага, заключающего в себе великий залог будущего нашего понимания Достоевского, а через него понимание и нас самих. Иногда мне кажется, что Достоевский оставил нам какие-то веды и что из этих вед начинается наша настоящая мудрость о нас самих и о Боге. Если Дельфийский оракул говорил: “познай самого себя”, то какая-то тайная сила говорит нам: “познай Достоевского, а через него и самого себя”. Пушкин тоже дал нам величайший завет, но всё же что подлежит собственно истолкованию — это именно, конечно, Достоевский, а не Пушкин, потому что в Пушкине всё это слишком имплицировано, всё то, что он знал и предугадал о России, а в Достоевском это уже разъяснено, как в некоей русской библии, так что нам остается ее только читать и понимать» [Иванов, 2021, с. 144–145].

Список литературы

1. Альтман, 1995 — *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; ст. и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 384 с.

2. Богданова, 2018 — *Богданова О.А.* Вячеслав Иванов: у истоков науки о Достоевском // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. 3. С. 76–94.

3. Дешарт, 1971 — *Дешарт О.* Введение // *Иванов В.И.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. С. 7–227.

4. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

5. Зобин, 2022 — *Зобин Г.С.* Вячеслав Иванов: Путь жизни. М.: Молодая гвардия, 2022. 415 с.

6. Иванов, 1987 — *Иванов В.И.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт, при участии А.Б. Шишкина. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. Т. 4. 800 с.

7. Иванов, 2021 — *Иванов В.И.* Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; пер. с нем. Дим.Вяч. Иванова, М.Ю. Кореневой (текст), О.Л. Фетисенко (рецензии). СПб.: Пушкинский Дом, 2021. 476 с.; ил.

8. Касаткина, 2016 — *Касаткина Т.А.* Что считать событием биографии? История любви к Мадонне: Пушкин, Достоевский, Блок // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 44–78.

9. Касаткина, 2019 — *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / отв. ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. 336 с.

10. Келдыш, 1996 — *Келдыш В.А.* Вячеслав Иванов и Достоевский // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования / под ред. В.А. Келдыша, И.В. Корецкой. М.: Наследие, 1996. С. 247–261.

11. Кибальниченко, 2022 — *Кибальниченко С.А.* Новый Эсхил: миф о Достоевском в философской прозе Вячеслава Иванова // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3 (10). С. 58–79.

12. Коренева, 2021 — *Коренева М.Ю.* О переводе // *Иванов В.И.* Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; пер. с нем. Дим.Вяч. Иванова, М.Ю. Кореневой (текст), О.Л. Фетисенко (рецензии). СПб.: Пушкинский Дом, 2021. С. 302–308.

13. Леховска, 2016 — *Леховска М.* Трагедии в одеждах романа. Вячеслав Иванов о Достоевском // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2016. Т. 20. С. 98–104.

14. Махлин, 2016 — *Махлин В.* «Ты еси»: Достоевский между Вяч. Ивановым и М.М. Бахтиным // Вяч. Иванов: pro et contra, антология. Т. 2 / сост. К.Г. Исупова, А.Б. Шишкина; коммент. коллектива авторов. СПб.: ЦСО, 2016. С. 50–76.

15. Плюханова, 2021 — *Плюханова М.Б.* Труды Вяч. Иванова о Достоевском: эволюция основного мифа // *Иванов В.И.* Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; пер. с нем. Дим.Вяч. Иванова, М.Ю. Кореневой (текст), О.Л. Фетисенко (рецензии). СПб.: Пушкинский Дом, 2021. С. 282–301.

16. Роднянская, 1980 — *Роднянская И.Б.* Вяч.И. Иванов. Свобода и трагическая жизнь. Исследование о Достоевском (Реферат) // Достоевский. Материалы и исследования. 1980. Т. 4. С. 218–238.

17. Титаренко, 2012 — *Титаренко С.Д.* «Основной миф» Ф.М. Достоевского в интерпретации Вячеслава Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 1. С. 47–55.

18. Фридлендер, 1994 — *Фридлендер Г.М.* Достоевский и Вячеслав Иванов // Достоевский: материалы и исследования. 1994. Т. 11. С. 132–144.

19. Шишкин, 2021 — *Шишкин А.Б.* Вячеслав Иванов и открытие Достоевского в XX веке // *Иванов В.И.* Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; пер. с нем. Дим.Вяч. Иванова, М.Ю. Кореневой (текст), О.Л. Фетисенко (рецензии). СПб.: Пушкинский Дом, 2021. С. 266–281.

References

1. Al'tman, M.S. *Razgovory s Viacheslavom Ivanovym* [*Dialogues with Vyacheslav Ivanov*]. Ed. by V.A. Dymshits and K.Iu. Lappo-Danielevskii. Article and comm. by K.Iu. Lappo-Danielevskii. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1995. 384 p. (In Russ.)

2. Bogdanova, O.A. "Viacheslav Ivanov: u istokov nauki o Dostoevskom" ["Vyacheslav Ivanov: At the Source of Dostoevsky's Studies"]. *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov: Research and Materials*], issue 3. Moscow, IWL RAS, 2018, pp. 76–94. (In Russ.)

3. Deshart, O. "Vvedenie" ["Introduction"]. Ivanov, V.I. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 1. Ed. by Ivanov and O. Deshart. Bruxelles, Foyer Oriental Chrétien Publ., 1971, pp. 7–227. (In Russ.)

4. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

5. Zobin, G.S. *Viacheslav Ivanov: Put' zhizni* [*Vyacheslav Ivanov: The Way of Life*]. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2022. 415 p. (In Russ.)

6. Ivanov, V.I. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 4. Ed. by D.V. Ivanov and O. Deshart, with the participation of A.B. Shishkin. Bruxelles, Foyer Oriental Chretien Publ., 1987. 800 p. (In Russ.)

7. Ivanov, V.I. *Dostoevskii: Tragediia – Mif – Mistika* [*Dostoevsky: Tragedy, Myth, and Mysticism*]. Ex. ed. A.B. Shishkin and O.L. Fetisenko; trans. from German by D.Vyach. Ivanov, M.Iu. Koreneva (text), O.L. Fetisenko (reviews). St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2021. 476 p.; illus. (In Russ.)

8. Kasatkina, T.A. "Chto schitat' sobytiem biografii? Istoriia liubvi k Madonne: Pushkin, Dostoevskii, Blok" ["What to Consider a Fact of Biography? The Story of the Love for the Madonna: Pushkin, Dostoevsky, Blok"]. *Voprosy literatury*, no. 2, 2016, pp. 44–78. (In Russ.)

9. Kasatkina, T.A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia* [*Dostoevsky Philosopher and Theologian: The Artistic Way of Expression*]. Moscow, Volodei Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

10. Keldysh, V.A. "Viacheslav Ivanov i Dostoevskii" ["Vyacheslav Ivanov and Dostoevsky"]. Keldysh, V.A., and Koretskaia, I.V. *Viacheslav Ivanov. Materialy i issledovaniia* [*Vyacheslav Ivanov. Materials and Research*]. Moscow, Nasledie Publ., 1996, pp. 247–261. (In Russ.)

11. Kibal'nichenko, S.A. "Novyi Eskhil: mif o Dostoevskom v filosofskoi proze Viacheslava Ivanova" ["The New Aeschylus: The Myth of Dostoevsky in the Philosophical Prose of Vyacheslav Ivanov"]. *Russko-Vizantiiskii vestnik*, no. 3 (10), 2022, pp. 58–79. (In Russ.)

12. Koreneva, M.Iu. "O perevode" ["About the Translation"]. Ivanov, V.I. *Dostoevskii: Tragediia – Mif – Mistika* [*Dostoevsky: Tragedy, Myth, and Mysticism*]. Ex. ed. A.B. Shishkin and O.L. Fetisenko; trans. from German by D.Vyach. Ivanov, M.Iu. Koreneva (text), O.L. Fetisenko (reviews). St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2021, pp. 302–308. (In Russ.)

13. Lekhovska, M. "Tragedii v odezhdakh romana. Viacheslav Ivanov o Dostoevskom" ["A Tragedy Dressed as a Novel. Vyacheslav Ivanov about Dostoevsky"]. *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*, vol. 20, 2016, pp. 98–104. (In Russ.)

14. Makhlin, V. "'Ty esi': Dostoevskii mezhdu Viach. Ivanovym I M.M. Bakhtinym" ["'You Are:' Dostoevsky between Vyacheslav Ivanov and Mikhail Bakhtin"]. Iskupova, K.G., and Shishkin, A.B., eds. *Viacheslav Ivanov: pro et contra, antologiia* [*Vyacheslav Ivanov: pro et contra, Anthology*], vol. 2. St. Petersburg, TsSO Publ., 2016, pp. 50–76. (In Russ.)

15. Pliukhanova, M.B. "Trudy Viach. Ivanova o Dostoevskom: evoliutsiia osnovnogo mifa" ["Vyacheslav Ivanov's Works on Dostoevsky: The Evolution of the Basic Myth"]. Ivanov, V.I. *Dostoevskii: Tragediia – Mif – Mistika* [*Dostoevsky: Tragedy, Myth, and Mysticism*]. Ex. ed. A.B. Shishkin and O.L. Fetisenko; trans. from German by D.Vyach. Ivanov, M.Iu. Koreneva (text), O.L. Fetisenko (reviews). St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2021, pp. 282–301. (In Russ.)

16. Rodnianskaia, I.B. "Viach.I. Ivanov. Svoboda i tragicheskaia zhizn'. Issledovanie o Dostoevskom (Referat)" ["Vyacheslav Ivanov. Freedom and Tragic Life (Abstract)"]. Fridlender, G.M., editor. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 4. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 218–238. (In Russ.)

17. Titarenko, S.D. "'Osnovnoi mif' F.M. Dostoevskogo v interpretatsii Viacheslava Ivanova" ["'The Main Myth' by Fyodor Dostoevsky as Interpreted by Vyacheslav Ivanov"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 9. Filologiia. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, no. 1, 2012, pp. 47–55. (In Russ.)

18. Fridlender, G.M. "Dostoevskii i Viacheslav Ivanov" ["Dostoevsky and Vyacheslav Ivanov"]. *Dostoevskii: materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 11. Leningrad, Nauka Publ., pp. 132–144. (In Russ.)

19. Shishkin, A.B. "Viacheslav Ivanov i otkrytie Dostoevskogo v XX veke" ["Vyacheslav Ivanov and the Discovery of Dostoevsky in the 20th Century"]. Ivanov, V.I. *Dostoevskii: Tragediia – Mif – Mistika* [*Dostoevsky: Tragedy, Myth, and Mysticism*]. Ex. ed. A.B. Shishkin and O.L. Fetisenko; trans. from German by D.Vyach. Ivanov, M.Iu. Koreneva (text), O.L. Fetisenko (reviews). St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2021, pp. 266–281. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 23.08.2023
Одобрена после рецензирования: 25.08.2023
Принята к публикации: 26.08.2023
Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 23 Aug. 2023
Approved after reviewing: 25 Aug. 2023
Accepted for publication: 26 Aug. 2023
Date of publication: 25 Sept. 2023